

Содержание

От редактора

7

Человек из СССР

9

Событие

81

Изобретение Вальса

183

Предисловие В. Набокова
к «Изобретению Вальса»

Перевод Д. Набокова

185

Дмитрий Набоков. Набоков и театр
Перевод А. Бабикова

289

Приложение

I. Письмо В. М. Зензинова и И. И. Фондаминского
к В. Набокову о постановке «События»
(7 марта 1938 г.)

317

II. Письмо Г. И. Гессена к В. Набокову
о постановке «События»
(7 марта 1938 г.)

322

Комментарии

325

Человек из СССР

Драма в пяти действиях

Действующие лица:

Кузнецов, Алексей Матвеевич — коммерсант.

Ольга Павловна — его жена.

Ошивенский, Виктор Иванович — хозяин кабачка, бывший помещик.

Ошивенская, Евгения Васильевна — его жена.

Марианна Сергеевна Таль — кинематографическая актриса.

Люля <Рубанская> — ее подруга.

Барон Таубендорф, Николай Карлович — официант, бывший офицер.

Федор Федорович — официант, бывший офицер.

Помощник режиссера.

Эмигранты, статисты, рабочие и проходящие ноги.

Действие происходит в наши дни в Берлине.

Действие I

Кабачок-подвал. В глубине — узкое продольное окно, полоса стекла, почти во всю длину помещения. Так как это окно находится на уровне тротуара, то видны ноги прохожих. Слева — дверь, завешенная синим сукном, ее порог на уровне нижнего края окна, и посетитель сходит в подвал по шести синим ступенькам. Справа от окна — наискось идущая стойка, за ней — по правой стене — полки с бутылками, и поближе к авансцене — низкая дверь, ведущая в погреб. Хозяин, видимо, постарался придать кабачку русский жанр, который выражается в синих бабах и павлинах, намалеванных на задней стене, над полосой окна, но дальше этого его фантазия не пошла. Время — около девяти часов весеннего вечера. В кабачке еще не началась жизнь — столы и стулья стоят как попало. Федор Федорович, официант, наклонившись над стойкой, размещает в двух корзинах фрукты. В кабачке по-вечернему тускловато, — и от этого лицо Федор Федоровича и его белый китель кажутся особенно бледными. Ему лет двадцать пять, светлые во-

лосы очень гладко прилизаны, профиль — острый, движения не лишены какой-то молодецкой небрежности. Виктор Иванович Ошивенский, хозяин кабачка, пухловатый, тяжеловатый, опрятного вида старик с седой бородкой и в пенсне, прибывает к задней стене справа от окна большущий белый лист, на котором можно различить надпись «Цыганский Хор». Изредка в полосе окна слева направо, справа налево проходят ноги. На желтоватом фоне вечера они выделяются с плоской четкостью, словно вырезанные из черного картона. Если сравнить действие на сцене с музыкой, то эти силуэты ног служат как бы черными музыкальными нотами. Разумеется, проходят они не беспрерывно, а со значительными промежутками. С поднятия занавеса и до той минуты, когда Федор Федорович, при появлении Кузнецова, спустит шторы, проходит всего десять пар ног, из которых две встречные, две непосредственно следуют одна за другой, а остальные проходят поодиночке.

Ошивенский некоторое время прибывает, затем судорожно роняет молоток.

Ошивенский. Чорт!.. Прямо по ногтю...

Федор Федорович. Что же это вы так неосторожно,

Виктор Иванович. Здорово, должно быть, больно?

Ошивенский. Еще бы не больно... Ноготь, наверно, сойдет.

Федор Федорович. Давайте я прибью. А написано довольно красиво, правда? Нужно заметить, что я очень старался. Не буквы, а мечта.

Ошивенский. В конце концов, эти цыгане только лишний расход. Публики не прибавится. Не сегодня завтра мой кабачишко... — как вы думаете, может быть, в холодной воде подержать?

Федор Федорович. Да, помогает. Ну вот, готово! На самом видном месте. Довольно эффектно.

Ошивенский. ...не сегодня завтра мой кабачишко лопнет. И опять изволь рыскать по этому проклятому Берлину, искать, придумывать что-то... А мне как-никак под семьдесят. И устал же я, ох как устал...

Федор Федорович. Пожалуй, красивей будет, если так: белый виноград с апельсинами, а черный с бананами. Просто и аппетитно.

Ошивенский. Который час?

Федор Федорович. Девять. Я предложил бы сегодня иначе столики расставить. Все равно, когда на будущей неделе начнут распевать ваши цыгане, придется вон там место очистить.

Ошивенский. Я начинаю думать, что в самой затее кроется ошибка. Мне сперва казалось, что эдакий ночной каба́к, подвал вроде «Бродячей Собаки», будет чем-то особенно привлекательным. Вот то, что ноги мелькают по тротуару, и известная — как это говорится? — ну, интимность, и так далее. Вы все-таки не слишком тесно ставьте.

Федор Федорович. Нет, по-моему, так выходит хорошо. А вот эту скатерть нужно переменить. Вино вчера пролили. Прямо — географическая карта.

Ошивенский. Именно. И стирка обходится тоже недешево, весьма недешево. Я вот и говорю: пожалуй, лучше было соорудить не подвал, — а просто кафе, ресторанчик, что-нибудь очень обыкновенное. Вы, Федор Федорович, в ус себе не дуετε.

Федор Федорович. А зачем мне дуть? Только сквозняки распускать. Вы не беспокойтесь, Виктор Иванович, как-нибудь вылезем. Мне лично все равно, что делать, а лакеем быть, по-моему, даже весело. Я уже третий год наслаждаюсь самыми низкими профессиями, — даром что капитан артиллерии.

Ошивенский. Который час?

Федор Федорович. Да я же вам уже сказал: около девяти. Скоро начнут собираться. Вот эти ноги к нам.

В полосе окна появились ноги, которые проходят сперва слева направо, останавливаются, идут назад, останавливаются опять, затем направляются справа налево. Это ноги Кузнецова, но в силуэтном виде, то есть плоские, черные, словно вырезанные из черного картона. Только их очертанья напоминают настоящие его ноги, которые (в серых штанах и плотных желтых башмаках) появятся на сцене вместе с их обладателем через две-три реплики.

Ошивенский. А в один прекрасный день и вовсе не соберутся. Знаете что, батюшка, спустите штору, включите свет. Да... В один прекрасный

день... Мне рассказывал мой коллега по кабацким делам, этот, как его... Майер: все шло хорошо, ресторан работал отлично, — и вдруг нате вам: никого... Десять часов, одиннадцать, полночь — никого... Случайность, конечно.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ. Я говорил, что эти ноги к нам.

Синее сукно на двери запузырилось.

Ошивенский. Но случайность удивительная. Так никто и не пришел.

Раздвинув сукно, появляется Кузнецов и останавливается на верхней ступеньке. Он в сером дорожном костюме, без шапки, желтый макинтош перекинут через руку. Это человек среднего роста с бритым невзрачным лицом, с прищуренными близорукими глазами. Волосы темные, слегка поредевшие на висках, галстук в горошинку бантиком. С первого взгляда никак не определишь, иностранец ли он или русский.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ *(бодро)*. Гутенабенд¹. *(Он включает свет, спускает синие шторы. Проходящих ног уже не видно.)*

Ошивенский *(низко и протяжно)*. Гутенабенд.

Кузнецов *(осторожно сходит в подвал)*. Здравствуйтесь.

Скверно, что прямо от двери вниз — ступени.

Ошивенский. Виноват?

¹ Добрый вечер *(нем.)*. (Здесь и далее подстрочные прим. к тьсам — ред.)

Кузнецов. Коварная штука, — особенно если посетитель уже нетрезв. Загремит. Вы бы устроили как-нибудь иначе.

Ошивенский. Да, знаете, ничего не поделаешь, — подвал. А если тут помост приладить —

Кузнецов. Мне сказали, что у вас в официантах служит барон Таубендорф. Я бы хотел его видеть.

Ошивенский. Совершенно справедливо: он у меня уже две недели. Вы, может быть, присядете, — он должен прийти с минуты на минуту. Федор Федорович, который час?

Кузнецов. Я не склонен ждать. Вы лучше скажите мне, где он живет.

Федор Федорович. Барон приходит ровно в девять. К открытию сезона, так сказать. Он сию минутку будет здесь. Присядьте, пожалуйста. Извините, тут на стуле коробочка... гвозди...

Кузнецов *(сел, коробка упала)*. Не заметил.

Федор Федорович. Не беспокойтесь... подберу... *(Упал на одно колено перед Кузнецовым, подбирает рассыпанные гвозди.)*

Ошивенский. Некоторые как раз находят известную прелесть в том, что спускаешься сюда по ступенькам.

Кузнецов. Вся эта бутафория ни к чему. Как у вас идет дело? Вероятно, плохо?

Ошивенский. Да, знаете, так себе... Русских мало, — богатых то есть; бедняков, конечно, уйма. А у немцев свои кабачки, свои привычки. Так, перебиваемся, каля-маля. Мне казалось сперва, что идея подвала — —

Кузнецов. Да, сейчас в нем пустовато. Сколько он вам стоит?

Ошивенский. Дороговато. Прямо скажу — дорого-вато. Мне сдают его. Ну — знаете, как сдают: если б там подвал мне нужен был под склад — то одна цена, а так — другая. А к этому еще прибавьте...

Кузнецов. Я у вас спрашиваю точную цифру.

Ошивенский. Сто двадцать марок. И еще налог, — да какой...

Федор Федорович (*он заглядывает под штору*). А вот и барон!

Кузнецов. Где?

Федор Федорович. По ногам можно узнать. Удивительная вещь — ноги.

Ошивенский. И с вином не повезло. Мне навязали партию, — будто по случаю. Оказывается — —

Входит Таубендорф. Он в шляпе, без пальто, худой, с подстриженными усами, в очень потрепанном, но еще изящном смокинге. Он остановился на первой ступени, потом стремительно сбегает вниз.

Кузнецов (*встал*). Здорово, Коля!

Таубендорф. Фу-ты, как хорошо! Сколько зим, сколько лет! Больше зим, чем лет...

Кузнецов. Нет, всего только восемь месяцев. Здравствуй, душа, здравствуй.

Таубендорф. Постой же... Дай-ка на тебя посмотреть... Виктор Иванович, прошу жаловать: это мой большой друг.

Ошивенский. Айда в погреб, Федор Федорович.

Ошивенский и Федор Федорович уходят в дверь направо.

ТАУБЕНДОРФ (*смеется*). Мой шеф глуховат. Но он — золотой человек. Ну, Алеша, скорей — пока мы одни — рассказывай!

КУЗНЕЦОВ. Это неприятно: отчего ты волнуешься?

ТАУБЕНДОРФ. Ну, рассказывай же!.. Ты надолго приехал?

КУЗНЕЦОВ. Погодя. Я только с вокзала и раньше всего хочу знать — —

ТАУБЕНДОРФ. Нет, это удивительно! Ты чорт знает что видел, что делал, — чорт знает какая была опасность... и вот опять появляешься — и как ни в чем не бывало!.. Тихоня...

КУЗНЕЦОВ (*садится*). Ты бы, вероятно, хотел меня видеть с опереточной саблей, с золотыми бренденбургам? Не в этом дело. Где живет теперь моя жена?

ТАУБЕНДОРФ (*стоит перед ним*). Гегельштрассе, пятьдесят три, пансион Браун.

КУЗНЕЦОВ. А-ха. Я с вокзала катнул туда, где она жила в мой последний приезд. Там не знали ее адреса. Здорова?

ТАУБЕНДОРФ. Да, вполне.

КУЗНЕЦОВ. Я ей дважды писал. Раз из Москвы и раз из Саратова. Получила?

ТАУБЕНДОРФ. Так точно. Ей пересылала городская почта.

КУЗНЕЦОВ. А как у нее с деньгами? Я тебе что-нибудь должен?

ТАУБЕНДОРФ. Нет, у нее хватило. Живет она очень скромно. Алеша, я больше не могу, — расскажи мне, как обстоит дело?

КУЗНЕЦОВ. Значит, так: адрес, здоровье, деньги... Что еще? Да. Любовника она не завела?

ТАУБЕНДОРФ. Конечно нет!

КУЗНЕЦОВ. Жаль.

ТАУБЕНДОРФ. И вообще — это возмутительный вопрос. Она такая прелесть — твоя жена. Я никогда не пойму, как ты мог с ней разойтись...

КУЗНЕЦОВ. Пошевели мозгами, мое счастье, — и поймешь. Еще один вопрос: почему у тебя глаза подкрашены?

ТАУБЕНДОРФ *(смеется)*. Ах, это грим. Он очень туго сходит.

КУЗНЕЦОВ. Да чем ты сегодня занимался?

ТАУБЕНДОРФ. Статистикой.

КУЗНЕЦОВ. Не понимаю?

ТАУБЕНДОРФ. По вечерам я здесь лакей, — а днем я статист на съемках. Сейчас снимают дурацкую картину из русской жизни.

КУЗНЕЦОВ. Теперь перейдем к делу. Все обстоит отлично. Товарищ Громов, которого я, кстати сказать, завтра увижу в полпредстве, намекает мне на повышение по службе — что, конечно, очень приятно. Но по-прежнему мало у меня монеты. Необходимо это поправить: я должен здесь встретиться с целым рядом лиц. Теперь слушай: послезавтра из Лондона приезжает сюда Вернер. Ты ему передашь вот это... и вот это... *(Дает два письма.)*

ТАУБЕНДОРФ. Алеша, а помнишь, что ты мне обещал последний раз?

КУЗНЕЦОВ. Помню. Но этого пока не нужно.

ТАУБЕНДОРФ. Но я только пешка. Мое дело сводится к таким пустякам. Я ничего не знаю. Ты мне ничего не хочешь рассказать. Я не желаю быть пешкой. Я не желаю заниматься передаванием писем. Ты обещал мне, Алеша, что возьмешь меня с собой в Россию...

КУЗНЕЦОВ. Дурак. Значит, ты это передашь Вернеру и, кроме того, ему скажешь —

Ошивенский и Федор Федорович возвращаются с бутылками.

ТАУБЕНДОРФ. Алеша, они идут обратно...

КУЗНЕЦОВ. — что цены на гвозди устойчивы... Ты же будь у меня завтра в восемь часов. Я остановился в гостинице «Элизиум».

ТАУБЕНДОРФ. Завтра что — вторник? Да — у меня как раз завтра выходной вечер.

КУЗНЕЦОВ. Отлично. Поговорим — а потом поищем каких-нибудь дамочек.

Ошивенский. Барон, вы бы тут помогли. Скоро начнут собираться. (*Кузнецову.*) Можно вам предложить коньяку?

КУЗНЕЦОВ. Благодарствуйте, не откажусь. Как отсюда пройти на улицу Гегеля?

Ошивенский. Близёхонько: отсюда направо — и третий поворот: это она самая и есть.

Федор Федорович (*разливая коньяк*). Гегельянская.

ТАУБЕНДОРФ. Да вы, Виктор Иванович, знакомы с женой господина Кузнецова.

Кузнецов. Позвольте представиться.

ОШИВЕНСКИЙ. Ошивенский. (*Пожатие рук.*) Ах! Простите, это я нынче молотком тяпнул по пальцу.

Кузнецов. Вы что — левша?

ОШИВЕНСКИЙ. Как же, как же, знаком. На Пасхе познакомились. Моя жена, Евгенья Васильевна, с вашей супругой в большой дружбе.

ТАУБЕНДОРФ. Послушай, как ты угадал, что Виктор Иванович левша?

Кузнецов. В какой руке держишь гвоздь? Умная головушка...

ОШИВЕНСКИЙ. Вы, кажется, были в отъезде?

Кузнецов. Да, был в отъезде.

ОШИВЕНСКИЙ. В Варшаве, кажется? Ольга Павловна что-то говорила...

Кузнецов. Побывал и в Варшаве. За ваше здоровье.

Входит Марианна. Она в светло-сером платье-таер, стриженная. По ногам и губам можно в ней сразу признать русскую. Походка с развальцем.

ТАУБЕНДОРФ. Здравья желаю, Марианна Сергеевна.

Марианна. Вы ужасный свинтус, барон! Что это вы меня не подождали? Мозер меня привез обратно на автомобиле, — и для вас было бы место.

ТАУБЕНДОРФ. Я, Марианночка, одурел от съемки, от юпитеров, от гвалта. И проголодался.

Марианна. Могли меня предупредить. Я вас там искала.

ТАУБЕНДОРФ. Я прошу прощения. Мелкий статист просит прощения у фильмовой дивы.

МАРИАННА. Нет, я очень на вас обижена. И не думайте, пожалуйста, что я зашла сюда только для того, чтобы вам это сказать. Мне нужно позвонить по телефону. Гутенабенд, Виктор Иванович.

ОШИВЕНСКИЙ. Пора вам перестать хорошеть, Марианна Сергеевна: это может принять размеры чудовищные. Господин Кузнецов, вот эта знаменитая актрисочка живет в том же скромном пансионе, как и ваша супруга.

МАРИАННА. Здравствуйте. (*Кивает Кузнецову.*) Виктор Иванович, можно поговорить по телефону?

ОШИВЕНСКИЙ. Сколько вашей душе угодно.

МАРИАННА подходит к двери направо, возле которой телефон.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ. А со мной никто не хочет поздороваться.

МАРИАННА. Ах, простите, Федор Федорович. Кстати, покажите мне, как тут нужно соединить.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ. Сперва нажмите сосочек: вот эту красную кнопку.

КУЗНЕЦОВ (*Таубендорфу*). Коля, вот что называется: богатый бабец. Или еще так говорят: недурная канашка. (*Смеется.*) Артистка?

ТАУБЕНДОРФ. Да, мы с ней участвуем в фильме. Только я играю толпу и получаю десять марок, а она играет соперницу и получает пятьдесят.